

Из-за табу, наложенного Хонеккером, западное предло-
жение зависло. Послы США, Великобритании и Франции в
Москве время от времени напоминали о ней, но МИД СССР
мог лишь слышаться на то, что «вопрос продолжает изучать-
ся». Позиция ГДР изменилась в лучшую сторону только
после отставки Хонеккера 18 октября 1989 года. Это позво-
лило, наконец, дать положительный ответ трем державам.
Но к этому времени обстановка в корне изменилась — ГДР
вступила в полосу глубочайшего кризиса, завершившегося в
конечном счете исчезновением республики.

Давление в котле растет

После начала советской перестройки основным вопро-
сом внутрипартийных, а также околопартийных дискуссий
в ГДР стало — следовать примеру СССР или нет? Наиболее
дальновидные представители политического класса ГДР от-
вечали на этот вопрос с оговорками, но в принципе положе-
тельно: недовольство широких слоев населения республики
существующим положением было очевидным. Насколько
мы могли судить, сторонники перестройки в ГДР не соби-
рались слепо копировать действия советских инициаторов,
которые слишком часто привели к провалам, чреватым
опасностью для дальнейшего существования даже Совет-
ского Союза. Поскольку существование ГДР было во мно-
го раз менее прочным, чем у СССР, ей требовалась особая
осторожность при проведении социальных и внутриполити-
ческих экспериментов. Однако большинству ответственных
политических деятелей ГДР было ясно, что оставлять все,
как есть, было еще опаснее, поскольку дело явно шло
к катастрофе.

«Внутренняя оппозиция», как иногда называли людей
в руководстве СЕПТ, которые призывали учитывать опыт

СССР, оказалась не в состоянии преодолеть инерцию по-
литического мышления верхнего партийного эшелона, пре-
жде всего Эриха Хонеккера, который упорно повторял, что
республика уже провела свою перестройку после ухода
Вальтера Ульбрихта с поста генерального секретаря СЕПТ
и не нуждается ни в каких новых реформах. Главный идео-
лог СЕПТ, член политбюро Курт Хагер заявил в 1987 году в
интервью для западногерманского журнала «Штерн»: «Вы
ведь не будете переключать у себя обоим только потому, что
ваш сосед делает то же самое». Говорили, что данную фразу
собственнолично вписал в текст интервью сам Хонеккер.

Бессилие «внутренней оппозиции» объяснялось не толь-
ко ее неорганизованностью, но и нежеланием Горбачева не-
двусмысленно сформулировать свое отношение к линии
каждой из соперничавших в руководстве ГДР группиро-
вок. Он неоднократно и публично, и в закрытом порядке
заявлял, что правление в социалистических странах партии
должны самостоятельно решать возникающие у них про-
блемы и нести ответственность за принимаемые решения.
Это была единственно верная позиция в смысле отказа от
сиглового вмешательства во внутренние дела других по-
типу ввода войск ОВД в Чехословакию в 1968 году. Од-
нако явным перебором было отказываться от того, чтобы
отчетливо дать понять, какое у нас складывается мнение
относительно платформ той или иной группы политиков
в союзных странах¹. В результате у наших союзников воз-
никло стойкое ощущение, что Москве все равно, что будет

¹ В.И. Кочемасов так излагал нам указания Горбачева на совещании с
послами СССР в социалистических странах в середине марта 1989 года:

«1) Полное равноправие с друзьями, ничего им не навязывать, будем де-
лится опытом, но не будем брать на себя ответственность за то, что они
должны решать сами; не допускать дергания по мелочам; 2) по принципи-
альным вопросам руководствоваться интересами социализма, интересами
нашей страны; тогда открытый разговор с друзьями; 3) в принципиальной фор-
ме поднимать авторитет [нашей] перестройки — это задача всех послов».

происходить в социалистическом содружестве — «пусть каждый умирает в одиночку». Такая ситуация парализовала волю к действию даже у наиболее энергичных представителей «внутренней оппозиции», поскольку она состояла из людей, однозначно связавших свою судьбу с СССР как главной силой преобразования общественных отношений и больше всего опасавшихся навредить старшему союзнику несанкционированными им шагами.

Кроме того, «внутренняя оппозиция» никак не могла представить себе, что Советский Союз может просто так оставить ГДР на произвол судьбы: помимо первостепенного военно-стратегического значения опорного пункта в центре Европы, маленькая ГДР выполняла роль важнейшего экономического партнера СССР; на нее приходилось 10—15 % советских внешнеэкономических обменов, причем из ГДР Москва зачастую получала замену той продукции типа высоких технологий, которую отказывался поставлять нам Запад. Когда же эти люди почувствовали, что дальше медлить нельзя, было слишком поздно. Увольнение в отставку Хонеккера 18 октября 1989 года не смогло переломить негативного характера развития. Четкой программой реформ не было к этому моменту подготовлено, а времени на ее разработку уже не оставалось.

Ситуация дополнительно обострилась экономическими трудностями, с которыми в 80-х годах столкнулась ГДР. Программа, с которой пришел к власти Эрих Хонеккер, предусматривала повышенное внимание к обеспечению социальных нужд населения (в свете уроков 17 июня 1953 года). И, действительно, ГДР времен Хонеккера представляла собой почти идеальный образец социальной организации государства. Отличная система дошкольного воспитания детей, которая позволяла почти всем женщинам участвовать в трудовой деятельности; высококачественное школьное и высшее образование с гарантированным предоставлением

работы места по окончании учебы; полное отсутствие безработицы; высокие темпы жилищного строительства; получение квартир молодыми семьями практически без стояния в очередях; приличные пенсии по старости. Остальные страны могли только позавидовать таким достижениям. В то же время на практике оказалось, что подобные расходы на социальные нужды превышают реальные возможности экономики ГДР. В начале 1989 года в посольстве подсчитали, что за истекший год у республики сложился плачевный дисбаланс как минимум в 4 миллиарда марок ГДР.

Руководство ГДР осознавало опасность, кризисные в перенапряжении экономики республики. Однако оно не решилось отказаться от реализации беспримерной для всего социалистического содружества программы социального развития страны: в принципе эта программа должна была позволить более слабой Восточной Германией устоять в соревновании с ФРГ в условиях все большей экономической открытости социалистического содружества. Берлин попытался решить проблему с помощью «старшего брата». В мае 1987 года Хонеккер обратился к Горбачеву с просьбой об экономической поддержке ГДР. Он ходатайствовал о следующем: «Нельзя ли за счет экономики нефти в Советском Союзе увеличить ее поставки в ГДР на 2 млн тонн в год и довести тем самым до того уровня, который у нас был согласован, прежде чем вы сократили свои поставки. Мы построили большие мощности специально под вашу нефть. К тому же на нашей территории находятся ваши войска, которые мы снабжаем нефтепродуктами»¹. Действительно, близ Шверта на границе ГДР и Польши был построен огромный нефтеперерабатывающий завод, смысл существования которого заключался в том, чтобы продукты переработки нефти, поступающей из СССР по более низким ценам СЭВ (корректировка внутренних цен с ориентацией на мировые всегда запаздывала), по-

¹ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986—1991 гг. М., 2006, с. 41.

ставлялись в ФРГ по ценам мирового рынка, а разница по-ступала в основном в бюджет ГДР.

Эта простая схема значительно облегчила бы положение в восточногерманской экономике, но Горбачев отказался выполнить просьбу Хонеккера. Правда, его ответ не был прямо отрицательным (он сказал: «Нам понятны ваши заботы. Если бюджет кака-то возможность увеличить вам поставки нефти, то мы это непременно сделаем»), но предпринято ничего не было. Более того, советское руководство стало подталкивать ГДР к сближению с ФРГ, у которой были деньги, возможности и, главное, желание привязать восточных немцев к себе. Выступая на заседании политбюро ЦК КПСС 11 июня, Горбачев сообщил: «Хонеккеру я сказал: найдите общий язык с ФРГ. Она в этом нуждается»¹. Объяснял нам причины отказа поддерживать ГДР, В.И. Кочемасов ссылался на то, что «если давать нефть немцам, то надо давать ее и всем остальным соцстранам», — просили ведь все без исключения. Подобная «уравниловка», однако, была грубейшим стратегическим просчетом. Непрерывно воевавший прусский король Фридрих II (немецкая историография величает его обычно Великим) говорил своим генералам: «У того, кто хочет заставить все, не останется ничего, что можно было бы записать». Впрочем, чем дальше, тем больше складывалось впечатление, что перестроечный СССР вообще никого не собирается защищать. ГДР была стержнем советской оборонительной системы на западном направлении, и запрошенная Хонеккером плата за предотвращение экономического коллапса главного союзника в Европе представлялась отнюдь не чрезмерной. В связи с тем, что СССР не согласился помочь в заполнении прорех бюджета республики, ей пришлось обращаться за займами к ФРГ, хотя нетрудно было догадаться, что Бонн преисполнит какие угодно цели, только не укрепление ГДР.

¹ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986—1991 гг. М., 2006, с. 43.

В отличие от пассивного поведения «внутренней оппозиции» в ГДР чрезвычайно активно действовала внесистемная оппозиция, которая стремилась к изменению государственной системы республики, а то и просто к ее ликвидации. Напористости этой части оппозиции отнюдь не мешало то, что она не отличалась массовостью, была разобщенной и лишенной единой долговременной цели. Ее разношерстный характер определялся тем, что в нее входили и представители пользовавшейся особым влиянием в Восточной Германии евангелической церкви, и мечтавшие о «чистом социализме» деггели культуры, и выступавшие против непролипаемой перегородки между ГДР и ФРГ интеллигенты, и люди, которым просто надоела назойливая и часто безграмотная «опека» со стороны аппарата СЕПГ и Штази, и друмая агентура западных спецслужб. Объединило же все эти центробежные силы, подкармливавшиеся по различным каналам из Западной Германии, практически лишь одно — стремление как можно скорее разрушить сложившуюся в ГДР систему управления, что означало прежде всего отсечение от власти СЕПГ параллельно с упразднением министерства госбезопасности.

Однако участники протестного движения избегали требования отказаться от ГДР как таковой. Их лозунгом было усовершенствование государственной системы республики. Восточногерманский дисидент Штефан Волле вспоминал позже: «В 80-е годы оппозиционные группировки никогда не выдвигали требования о ликвидации ГДР. До поздней осени 1989 года они рассматривали национальный вопрос в чисто исторической перспективе. По их мнению, было бы безответственным ставить под вопрос глобальную стабильность, опирающуюся на дуализм сверхдержав. Господствующее настроение во внутренних дискуссиях сводилось тогда к следующему: сначала нужно добиться свободы и демократии в ГДР, а затем уж можно будет в один прекрасный день обсудить отношения с Федеративной Республикой»¹.

¹ *Wolle S. Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Nertschaft in der DDR 1971—1989.* Bonn, 1998, S. 85.

Сближение обоих германских государств, происходившее во второй половине 80-х годов, облегчило для внесистемной оппозиции проведение пропагандистских акций, направленных на расшатывание основ ГДР. Главной сенсацией визита Хонеккера в ФРГ, состоявшегося в сентябре 1987 года и подробнейшим образом отраженного в передачах телевидения обеих стран, было то, что он прошел в обстановке «всенародного ликования» — лидера ГДР повсюду в Западной Германии встречали как лучшего друга. В результате сложилось впечатление полной нормализации отношений между германскими государствами¹. После этой поездки Хонеккер поверил, что его положение как внутри ГДР, так и в отношениях с СССР стало незыблемым. В то же время как раз со ссылкой на боннский вождь Хонеккера внесистемная оппозиция ГДР, чья деятельность отныне не встречала прежних препятствий, вслужеки разжигала ожидания населения в отношении грядущей демократизации республики, а также либерализации условий посещения родственников в другом германском государстве. Действительно, после объятий федерального канцлера и генерального секретаря ЦК СЕПГ население ГДР никак не могло взять в толк, почему ограничения для поездок в Западную Германию остаются все такими же суровыми. В итоге хонеккеровское посещение ФРГ послужило дополнительным

¹ Впечатление от внезапного братания руководителей ГДР и ФРГ было очень сильным. В беседе со мной 10 сентября советник посольства Франции в ГДР Филипп Бюшер признал, что ГДР «неожиданно много успели в [совместном итоговом] коммюнике: там практически все, на чем настаивал Бонн. Кроме того, удивляет структуру коммюнике — на первом месте двусторонние отношения, а вопросы мира, на которые направила ГДР, отодвинуты на второй план». Бюшер заметил также: «Политика ФРГ велит себя по отношению к Хонеккеру слишком подлобострастно» и «Дело начинается заходить слишком далеко». Француз сразу согласился, когда я заявил, что «пора спасать ГДР». Не знаю, в каком духе он докладывал в Париж, но Франсуа Миттеран явно запоздал с визитом в ГДР — французский президент посетил Берлин лишь в декабре 1989 года, когда все уже стало рушиться.

толчком к дестабилизации внутриполитической обстановки в ГДР.

На протяжении всего 1988 года восточные немцы терпеливо ждали, когда же условия контактов с ФРГ для «человека с улицы» станут соответствовать сердечности германо-германских контактов на высшем уровне. Однако уже с первых дней 1989 года стало ясно, что запас терпения у людей кончается. Накануне традиционной демонстрации в память Карла Либкнехта и Розы Люксембург (исполнилось 70 лет со дня их убийства) кружок диссидентов, пользовавшийся прикрытием церкви Св. Марка в Лейпциге, напечатал 10 000 листовок с призывом провести акцию протеста в воскресенье 15 января. За четыре дня до назначенной даты началась расклейка листовок и распределение их по почтовым ящикам жителей города. Почти сразу же полицией были проклеваны первые задержания; всего при воле подверглись 11 человек — практически все организаторы. О произошедшем были по каналам протестантской церкви немедленно извещены окологородные кружки по всей стране. В Берлине, Эрфурте, Пивкау и Бауцене стали раздаваться протесты против действий полиции. Подключились диссиденты из Польши и Чехословакии. Тему подхватили западногерманские СМИ. 15 января «Вельт» вышла с аршинным заголовком: «Полития ГДР призывает аресты правозащитников». В этот день в Лейпциге у Старой Ратуши собрался митинг протеста. По явно завышенным оценкам организаторов, в нем приняли участие около 800 человек; 53 человека были задержаны. Одновременно в Вене заканчивалась сессия Советания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая подтвердила обязательство всех членов организации по соблюдению прав человека и гражданских прав. Выступившие на перерывной закрытой сессии госсекретарь США Джордж Шульц и министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер осудили принятые полицией ГДР меры по охране порядка. 24 января все участники акции в Лейпциге были освобождены¹.

¹ См.: <http://www.epistaves.spiegel.de/textual/ShowAlbumBackgrounPrint/a3514.html>

Постепенно диссидентское движение ГДР набирало опыта в проведении кампаний, направленных против существующего режима. Сентябрьские «демонстрации по понедельникам» 1989 года возникли не на пустом месте. Параллельно Запад тренировался в активных поддержки оппозиции в ГДР. Лишь руководство республики, похоже, не училось ничему (Вырочем, и действия Москвы не стали бы более мудрыми.)

В конце января 1989 года центральный орган СЕПП «Нойес Дойчланд» опубликовала заявление Хонеккера, в котором он, отвечая на вопрос о том, сколько времени еще простоят Берлинская стена, подчеркнул, что она простоят и 50, и 100 лет — «до тех пор, пока не изменятся условия, вызвавшие необходимость ее возведения» (то есть пока существуют два германских государства). Это заявление было повсеместно воспринято как крушение надежды на скорое облетчение поездов в ФРГ в условиях, когда на улицах восточногерманских городов то и дело встречались автомашины с белой ленточкой на антенне, озабоченней, что ее владелец подал официальный заявление на выезд в ФРГ на постоянное жительство. Возникла и окрепла психологическая основа той волны бегства людей из ГДР, которая захлестнула республику осенью 1989 года. Не обошлось, разумеется, без целенаправленного воздействия СМИ ФРГ, особенно западногерманского телевидения, передачи которого принимались практически на всей территории ГДР. Однако главным были все же заветство и промах власти, считавшей свое положение непоколебимым.

Чем дальше в лес...

Открытый разговор на высшем политическом уровне с вождями ГДР, который я и мои коллеги в посольстве считали необходимым, так и не состоялся. С обеих сторон накапливалось взаимное непонимание, раздражение и недоверие. Отношения

¹ Исключением была лишь долина Эльбы у Дрездена, где рельеф местности мешал надежному приему телевизионного сигнала репарационных станций в Западном Берлине. Фольклор ГДР присвоил этому региону название «долина ни о чем не подозревающих».

между руководством СССР и ГДР за фасадом звонких и пустых фраз о нерушимой дружбе и солидаристической солидарности становились все более напряженными. После «телемоста» между Москвой и Бонном 24 марта 1988 года с участием депутатов Верховного Совета СССР и бюджета мы сообщили в МИД: «Из отдела международных связей ЦК СЕПП нас предупредили, что в партийном и государственном руководстве ГДР очень болезненно восприняли некоторые высказывания, прозвучавшие с советской стороны в ходе телемоста, передававшиеся западногерманским телевидением. Политически безграмотные оценки перспектив “воссоединения Германии”, [существования] берлинской “стены” и т.д. дают возможность тем людям в руководстве и около него, которые по тем или иным причинам затронуты в углублении трудностей между нашими партиями, вновь поднять вязь насчет того, что СССР ведет дело “к изменению нынешнего положения в германских делах”. В эмоционально перетрете атмосфере, которую эти люди постоянно поддерживают, используя хорошо продуманные инсинуации из Бонна и неповыкие фразы из советской печати, рациональные доводы и логические объяснения остаются, как правило, без воздействия. В доверительном порядке нам сообщают, что даже самые безобидные высказывания советских представителей (как, например, недавнее заявление В.М. Фалина о том, что возможности, заключенные в Четырехстороннем соглашении [по Берлину] еще далеко не исчерпаны) воспринимаются “на самом верху” совершенно предвзято: “Ага, значит, планы использования Западного Берлина как разменной монеты в торге с Западом все-таки имеются!” Тем более тяжелым будет впечатление [у Хонеккера] от отдельных мест в телемосте».

То, что телемост произвел в ГДР «самое гнетущее впечатление», подтвердил Эгон Курент, который на следующий день сказал мне в краткой беседе на приеме у греческого посла: «Позиция советских участников была настолько оборонительной, настолько бесцветной и слабо аргументированной, что оправдан вопрос: кому нужны такие мосты? Тот факт, что провальные попытки западных немцев насчет “воссоединения

Германии”, “стены”, “освобождения земляков в ГДР” остались без ответа, не может не волновать немецких товарищей».

Начальник управления информации МИД ГДР Вольфганг Майер обратил мое внимание на то, что журналист, ведущий телемост с советской стороны, обратился одновременно «к зрителям и друзьям в ФРГ и ГДР», и это, разумеется, было подхвачено западногерманским ведущим. «Неужели в среде московских журналистов начисто атрофировался классовый подход к реальностям международной политики? — спрашивал Майер. — Неужели мало вреда, нанесенного телемостом Ленинград—Майнп в прошлом году?» Для СССР подобные инциденты остаются в целом без заметных последствий, но для ГДР можно опасаться самых тяжелых результатов. Пора, чтобы в Москве поняли, наконец, взрывоопасность легкомыслия в отношении подобных тем. Самые искренние сторонники внешней перестройки, а их в ГДР немало, приходят в полное отчаяние. Пора принимать меры». Но в Москве упорно не желали слышать призывов к сдержанности по проблеме, представлявшим фундаментальный интерес для ГДР. По сообщению В.И. Кочемасова 21 июля 1989 года, Кренц попросил его после очередного телемоста СССР—ФРГ, состоявшегося накануне, «вновь ясно высказать нашу позицию по “германскому вопросу”. Официальные советские заверения в солидарности с ГДР стремительно теряли достоверность.

В начале августа 1988 года (посол был в отпуске) я решил написать в МИД еще один сигнал предостережения. Текст был таков: «Ряд неточных высказываний по германским делам продолжаетеся. В ГДР привлекла большое внимание статья “Нем-”

¹ 19 октября 1987 года в отсутствие посла протесты по поводу этого телемоста были заявлены мне членом политбюро ЦК СЕПГ Йоахимом Терманом и министром иностранных дел ГДР Оскаром Фишером. Фишер даже передал мне «поп рарет» (документ не на бланке и без подписи), заключительный абзац которого звучал так: «Прозвуба к советской стороне повлиять в духе нашей совместной позиции на то, чтобы в высказываниях советских представителей для западных средств массовой информации учитывались эти аспекты [нанесения ущерба интересам Варшавского договора и особенно ГДР]».

цы и мы” Л. Почивалова (здесь она не опубликована, но статьями западногерманской пропаганды достаточно широко известна). Ее главный тезис: немцы — один народ. Можно понять желание наших публицистов (а также историков, даже некоторых политиков) порасуждать о германских делах — роль и ГДР, и ФРГ в нашей европейской политике исключительно велика. Но непонятно, почему и зачем главной темой этих рассуждений делается основа существования нашего важнейшего союзника, играющего роль краеугольного камня социальности в Европе? Мы же находим в себе силы и разум не вмешиваться в споры венгров и румын по правам наименьшинств, в расхождении между ГДР и ПНР по разграничению территориальных вод. Какую же цель мы преследуем, ставя под вопрос нашу лояльность по отношению к ГДР, ведущей очень сложную борьбу за выживание перед лицом во много раз превосходящей ее по всем параметрам ФРГ? Нет сомнения, что возникновение обих немецких государств произошло в ходе холодной войны, что основой их раздельного существования была забота об обеспечении мира. Сейчас они оба находятся в процессе превращения в “нормальные государства”, занимающие свое неоспоримое место в Европе и в мире в условиях, когда мирное сосуществование постепенно становится все более обеспеченным фактом. ФРГ проходит этот процесс, не отказываясь окончательно от конечной задачи (“сверхзадачи”) поглощения ГДР. ГДР же решает задачу отстоять свою “отдельность” и на будущее, что в значительной степени осложняется не только всепроникающим характером западногерманской пропаганды, но и широким распространением “общегерманских настроений” в массах населения республики. Наше философствование на тему о “едином германском народе” является по существу ударом в спину друзьям. Разъяснения о том, что подобного рода высказывания являются выражением “личного мнения” авторов, идущего вразрез с нашей официальной политикой, все больше теряют убедительность. В условиях сохраняющегося “синдрома 1952 года” (нотой от 10 марта 1952 года мы [без консультаций

с ГДР] дали согласие на воссоединение Германии на основе свободных выборов при условии ее нейтрализации) такие высказывания неизбежно воспринимались как подготовка общенациональности к каким-то поворотам в нашей политике в сторону уступок прикказным ФРГ за счет интересов ГДР. Необходимо, чтобы наши публицисты, вообще все, кто беретя расуждать о германских делах, поняли раз и навсегда, что интересам СССР соответствует закрепление независимого существования ГДР и ее самая тесная привязка к нам, к социализму. Если Бонн, не стесняясь, провозглашает тезис: "Мир в Европе остается ненадежным в условиях раскола Германии", то нам надо не искать путей к выдаче с головой ГДР, а постоянно отстаивать [контр] тезис: "Главным условием надежного мира в Европе является самостоятельное существование ГДР".

И вновь ни ответа ни привета из Москвы. Вернувшись из отпуска посол привез уже знакомое главное руководящее указание окружения Горбачева: «Не драматизировать!» И в дальнейшем в поведении наших средств массовой информации ничего не менялось. Хотя бы завязалась открытая дискуссия на тему «Нужна нам или не нужна нам ГДР?», а то ведь господствовало либо молчание на германскую тему, либо провозглашение неизбежности включения ГДР в ФРГ! Даже самые стойкие сторонники союза ГДР с СССР стали терять веру в будущее. 12 августа 1988 года в Берлине в беседе с знаменитым отделе печати МИД СССР Г.И. Герасимовым Герберт Кроликовский напрямую обратился к нему с просьбой высказать у советских верхов, по-прежнему ли СССР заинтересован в существовании ГДР. Он сказал: «Мы просим лишь об одном — сказать нам ясно, каковы ваши намерения в отношении нас. Сегодня есть социалистическая Германия. Вопрос в том, надо ли ее сохранять, как, например, Австрию, или ждать момента, когда можно будет отделиться от ГДР? Это наше государство, мы его выстроили и любим. Наш западный партнер — не самый лучший и не самый слабый. Не надо облегчать ему достижение цели, которая состоит не в усилении ГДР. Однако если вы нам скажете, что мы вам больше не нужны, что вы можете обеспе-

чить мир в Европе и без нас, мы постараемся найти выход из новой ситуации. Мы возродим прежнюю концепцию конфедерации в Германии, начнем переговоры с Бонном по этому вопросу и будем добиваться максимально выгодных условий для людей, живущих здесь. Скажите нам открыто, в чем состоит ваша цель, и мы будем действовать в соответствии с этим. Мы не драматизируем, не собираемся поднимать вселенский плач. Но надо принимать меры, думать о следующем и дальнейших этапах». Герасимов, один из наиболее талантливых и мудрых советских дипломатов того периода, понял значение обращения Кроликовского и сразу из Берлина направил в Москву информацию об этой беседе.

Демарш Кроликовского также был проигнорирован. Постепенно и у нас складывалось впечатление, что вопреки всем геостратегическим резонам Москва действительно «ждет момента, когда можно будет избавиться от ГДР». Без прояснения позиции руководства СССР сторонники реформ в ГДР не решались переходить от слов к делу. К тому же они опасались, что раскол на вершине властной пирамиды немедленно будет использован силами, стремившимися к ликвидации республики. (К сожалению, подобные опасения полностью оправдались после отставки Хонеккера 18 октября 1989 года.) В то же время правящая группа вокруг генерального секретаря ЦК СЕПП не останавливалась перед попытками ослабить позицию сторонников реформ.

В ноябре 1987 года случились случаи над 1-м секретарем Дрезденского окружного комитета СЕПП Хансом Молдровым, являвшимся одним из наиболее влиятельных представителей реформаторского крыла партии. Посол получил соответствующий сигнал из аппарата ЦК СЕПП, и мы решили хотя бы силами посольства продемонстрировать поддержку Молдрову. 17 ноября в Дрездене начинались Дни Ленинграда, на которые прибыл секретарь Ленинградского обкома по промышленности Д.Н. Филиппов. Несмотря на сравнительно невысокий уровень советской делегации я бросил все дела и поехал в Дрезден, где целый день присутствовал на торжественных мероприяти-

их, всячески подчеркивая советскую солидарность с Молдору-вым. Жест достиг своей цели. Молдорува не сняли с должности и оставили в покое. Нам удалось сохранить его для критически важного «последоноккеревского» периода ДДР.

Бездействие «внутренней оппозиции» вело к тому, что ситуация постепенно выходила из-под контроля. Отказывалась от каких бы то ни было реформ, хотя они назрели во всех областях жизни ДДР, хонеккеревское руководство шло на открытый конфликт с населением республики. Ради того, чтобы у людей не оставалось никаких иллюзий в отношении репрессивности СЕПГ ничего не менять в ДДР, Хонеккер и его соратники не останавливались перед эскалацией недружественных жестов в отношении СССР. Был свернут лозунг «Учиться у Советского Союза значит учиться побеждать», с первых дней существования республики сопровождавший ее «политпросвет». Продолжался запрет на распространение в ДДР ряда советских изданий. Слов нет, перестроечная печать выносила на поверхность много гинны и даже нечистот. Например, конкретным поводом к запрещению «Спутника» послужили включенные в него статьи, ставившие знак равенства между Гитлером и Сталиным, с чем абсолютное большинство советских людей согласиться не могли. Однако запреты — не метод в отношениях между союзниками, связанных к тому же идеологическими узлами. Кроме того, было ясно, что указанные статьи были, по существу, предлогом, чтобы помешать продвижению идей перестройки, которой были посвящены основные материалы дайджеста.

«Контрмерами» оказались запронуты и сотрудники посольства. 13 февраля 1989 года меня пригласил к себе заведующий отделом агитации ЦК СЕПГ Хайнц Геттель (событие само по себе необычное, поскольку контактами с руководящим звеном СЕПГ занимался лично В.И. Кочемасов) и, по существу, потребовал отъезда из ДДР советника посольства, который в беседе с каким-то функционером Национал-демократической партии якобы критиковал политику СЕПГ. Доклад об этой беседе, сообщил Геттель, лежит на столе у Хонеккера, поскольку недопустимо обсуждать политику СЕПГ с другими существующими

в ДДР партиями. В ходе спешно проведенного внутреннего расследования выяснилось, что с представителем НДПГ разговаривал не советник, а 2-й секретарь посольства с похожей фамилией, который не столько критиковал СЕПГ, сколько защищал советскую перестройку. Посол все равно устроил ему разнос и предложил впредь осторожнее выбирать собеседников¹, а я не смог отказать себе в удовольствии вновь посетить Геттеля (в сопровождении советника посольства, о котором шла речь) и изложить ему действительно плохое положение дел. Инициент был улажен, но остался очень неприятный осадок. Похоже было, что руководители СЕПГ не останавливаются перед открытым уходом своим отношений с нами. Конечно, внутренняя ситуация в республике действительно обострилась, но не Советский Союз нес ответственность за это. В такой атмосфере рассуждения о «товарищеских отношениях» становились фарсом. За десять лет моей работы в Бонне я ни разу не сталкивался с подобными ситуациями.

Мини замедленного действия

Судьба ДДР (и не только судьба ДДР) зависела от того, насколько быстро на смену людям, заведшим республику в тупик, смогут прийти новые руководители, более чуткие к духу времени и понимающие, как можно поправить дело. Но это была внутренняя проблема ДДР — здесь я был целиком согласен с М.С. Горбачевым, хотя и считал ошибочным и вредным для будущности наших взаимоотношений скрывать мнение по поводу разногласий в СЕПГ. Я был убежден в том, что существование ДДР — сильной, стабильной и уверенной в своем

¹ На утреннем совещании дипломатического состава 14 февраля посол заявил: «Некоторые товарищи из посольства загнают контакты, которые можно представлять как вмешательство во внутренние дела. При первом же знакомстве берется недопустимый тон. Выводы: 1) не свергивать работу; 2) вести работу умно, готовиться к беседам тщательно; 3) осознавать свою ответственность; 4) если повторится, бюджет поставлен вопрос о служебном несоответствии и откомандировании; 5) внимательно разобираться с контактами, тактикой и методами ведения бесед, кругом вопросов, которые нас интересуют».

будущем ГДР — является необходимым условием процветания и даже сохранения союза государств под руководством СССР и в конечном счете самого СССР. В приветственном слове на приеме по случаю конференции окружной организации Общества германо-советской дружбы в Лейпциге в апреле 1988 года (это был один из редких случаев, когда мне удавалось вырваться из Берлина, чтобы поучаствовать в диле страны) 2-й секретарь окружкома СЕПГ Йохен Поммерт повторил распространяемую в недалеком прошлом в ГДР формулу: «Невозможно представить себе ГДР без Советского Союза». В ответ я отметил: «Так же невозможно представить себе Советский Союз без ГДР». Это было сказано не для красного слова. Геостратегическое значение дружественного нашей стране восточногерманского государства для сохранения позиций в Европе и международного статуса СССР было настолько ясно, что не видеть этого требовало больших усилий. К сожалению, многие в советском руководстве оказались пораженными политической слепотой — и не только по отношению к ГДР.

На всех этапах здания сотрудничества между СССР и ГДР располагалась некая плотная ткань контактов и взаимопонимания. Представители Общества германо-советской дружбы нам по секрету рассказали, что низовым организацией ОГСД запрещается приглашать с докладами об СССР владеющих немецким языком офицеров Группы советских войск в Германии. Эта многолетняя практика была отменена из-за опасений распространения «перестроечной заразы». К командованию ГСВГ постоянно поступали претензии по поводу содержания передач радиостанции «Волга», вешавшей на русском языке для советских солдат. Причина была все та же — пропаганда идей перестройки и гласности, привлекавшая внимание и граждан ГДР. В юбилейной брошюре авторов из СЕПГ «Социализм национальных цветов ГДР»¹, вышедшей в СССР в переводе на русский язык

к 40-летию республики, оправдывалась линия на размежевание с КПСС: «Это [официальная поддержка ГДР решений о перестройке] не означает, что можно соглашаться со всем, что говорится в дискуссионных или печатается в прессе [СССР]. Естественно, можно не соглашаться, если советские художники выступают в Западном Берлине и заявляют о своей надежде, что единство немецкой нации якобы скоро будет восстановлено, или если один историк выступает в Бонне и заявляет, что [Берлинская] стена является якобы реликтом холодной войны и должна вскоре исчезнуть, или если в "Спутнике" принижается и ставится под вопрос вина Гитлера и фашизма»¹.

Нарастающие трения между хонеккеровской командой и руководством СССР не могли остаться без влияния на советских представителей на самых разных уровнях. Я мог это видеть на примере сотрудников посольства в Берлине, на нервы которым чем дальше, тем сильнее действовали неволевые, на грани флюя, акции руководства СЕПГ, сивольдизирующие стремление «оттородиться» от советского влияния. Между тем советские дипломаты-терманисты были, так сказать, тенетически предрасположены к тому, чтобы при любых обстоятельствах способствовать улучшению атмосферы в отношениях с терманскими государствами. Надо было многому научиться, прежде чем они стали требовать «ответных действий». Запрет на распространение «Спутника» был одним из наиболее сильных раздражителей.

В докладе 1-го секретаря посольства (экономический отдел) О.В. Юрыгина на совещании ведущих специалистов посольства (оно называлось по традиции «референтским»)» 21 апреля 1989 года (тема: «Перспективы развития внутриполитической обстановки в ГДР») отмечалось, в частности:

Идентичны цветам национального флага ФРГ. Единственная разница состояла в том, что на флаге ГДР был изображен государственный герб республики — циркуль и молоток в обрамлении венка из колосов.

¹ Рейнгольд О. Курсе XII съезда СЕПГ — преемственность и обновление в развитии нашего общества // Социализм национальных цветов ГДР. Сборник статей. М., 1989, с.74—75.

¹ Формула о «национальных цветах» ГДР, которой так гордились теоретики СЕПГ и которая должна была подчеркивать самостоятельность

и независимость республики, носила на самом деле крайне неудачный и выходящий в заблуждение характер. Цвета национального флага ГДР были

«В том, что касается отношения к перестройке, друзья кое в чем правы: они начали [реформы] раньше, многого добились, а наша перестройка не дала убедительных результатов. Но главное в другом — в оппозиции друзей плачности, политической реформе. Они наносят основной удар по децентрализации, по введению рынка. Их поддерживает руководство ЧССР, которое также делает ставку на передовые технологии. Обе страны не приемлют критику Сталина. Почему мы молчим в ответ на нападки? Запрет “Спутника”, черный список советских авторов в ЦК СЕПГ создают новую ситуацию. Нам нужно реагировать». Завершил Юрген следующим выводом: «Стабильность ГДР неустойчива, это стабильность на фоне нестабильности. ГДР нужно поддерживать, но нужно и писать о проблемах с ней. Опенивать перспективы развития следует в более широких рамках “германского вопроса”».

В своем заключительном слове на совещании посол оперил некоторые тезисы докладчика. В частности, Кочемасов сказал: «СЕПГ — сильная партия с квалифицированными кадрами, хорошо организованная, дисциплинированная. У нее мощный административный аппарат, гарантирующий стабильность республики. Эволюция идет, ее темпы могут определяться только друзьями ([внесенный] предложение ГДР о культурном сотрудничестве [с СССР] до 2000 года). Многие зависят от того, как пойдут дела у нас. Наша основная задача — сохранить отношения с ГДР, так как они имеют стратегическое значение. Связи ГДР с ФРГ и немецкий менталитет [порождают] общегерманские настроения]. Но что остается делать ГДР, если нужно ей не можем дать ни мы, ни другие соцстраны? Возражать потому только, что они и те, и другие немцы? В целом — это цена за экономическое процветание ГДР. По вопросам германского урегулирования нужно думать, не застыть на позициях 40-летней давности. Не по принципам, но подвижки возможны».

Дальнейшее похолодание в отношениях между СССР и ГДР задокументировал ход «референтского совещания» 25 мая 1989 года, посвященного теме «Содержание лозунга “Социа-

лизм в цветах ГДР”». В докладе 1-го секретаря посольства П. В. Меньшикова (внутриполитический отдел) содержались следующие тезисы: «Смыслом указанного лозунга является прежде всего размежевание с определенной моделью социализма, конкретно — той моделью, которая строится в СССР. Уже в конце 1988 года руководство СЕПГ приняло решение закрепить обещание ГДР на “старых, проверенных историей” позициях. В речи по случаю 70-летия КПГ Хонеккер объявил, что “правильный” социализм — это только социализм ГДР. Существо ее “национальной модели” формулируется по принципу противопоставления модели, принятой в СССР и других соцстранах, прежде всего с помощью утверждения о несоевместимости рынка и социализма. Вводимые в ГДР ограничения демократии могут поставит под вопрос стабильность республики. У СЕПГ болезненное неприятие критики в свой адрес». Вывод докладчика: «Нам целесообразно сосредоточить усилия на сотрудничестве в экономической и идеологической областях. Возможна конфронтация в области культуры».

Еще более резким был тон выступлений в дискуссии. Подволи ее итоги, я (посол был в это время в Москве) был вынужден обратиться с призывом не забывать о том, что ГДР — наш ближайший друг и союзник: «Было много несправедливой критики в адрес ГДР, черной краской. Наоборот, хорошо, что друзья не торопятся [подражать нашей перестройке]. Иногда о ГДР говорили как о “вражеской” стране, но ведь это же не так! Вопрос в том, может ли ГДР вообще себе позволить повторить наши эксперименты (например, по алкоголю)? Замечания о парадности пропаганды и официальной науки правильны. Но сохранности в идеологическом сотрудничестве как будто нет. Надо искать: где те точки, где мы можем сотрудничать? Мы не можем позволить себе “расшевелись” с друзьями. Друзья [кое в чем] пережигают свои позиции, движение происходит. Это вопрос темпов. Есть общий поток развития соцстран. ГДР стоит пока в стороне».

О том, что кое-какие сдвиги «на самом верху» действительно происходили, свидетельствует эпизод, связанный с именем

полупяного в ГДР министра культуры Ханса-Йоахима Хоффмана. В июне 1988 он дал западногерманскому журналу «Тептр сетодли» интервью под заголовком «Самое надежное — это изменения». Впервые министр ГДР не согласовал заранее текст интервью с ЦК СЕПГ и очень откровенно рассказывал о проблемах в культурной жизни республики, так что редакция журнала дала интервью подзаголовок: «Перестройка в ГДР?». В октябре ответственный за идеологию член ЦК Курт Хатер созвал совещание, где в отсутствие Хоффмана было осуждено его поведение. После возвращения Хоффмана из командировки он был вызван к Хатеру для «беседы», после которой слет с самым лучшим сердечным приговором. На пленуме ЦК СЕПГ 1—2 декабря атака на Хоффмана была продолжена. Однако его поддержали деятели искусств, входившие в состав ЦК. Во избежание публичного скандала «твердолобые» удовлетворились формальным заявлением Хоффмана: «Результаты, к которым привело интервью, были нехорошими и непреднамеренными. Я извиняюсь». Он остался министром культуры и сохранил свою популярность.

Возможности посольства как-то повысить на развитие обстановки были весьма ограниченными, тем более что посол, хотя и видевший, что развитие идет в неприемлемом для нас направлении, не решился все же выходить за рамки полурегулярных инструкций. Со своей стороны, я со всей необходимой осторожностью попытался поспособствовать оживлению партийно-политической жизни в ГДР. Почти у всех партий республике, входивших в «демократический блок» под руководством СЕПГ, был политический аналог в ФРГ. Восточногерманский ХДС даже по названию не отличался от своего западногерманского родственника, либеральная ЛДПГ по партийной программе была очень близка к СвДП, установка Демократической крестьянской партии, отстававшей интересов сельского населения ГДР, перекликались с платформами соответствующих фракций в ХДС/ХСС и СДПГ ФРГ. Это означало, что в гипотетическом случае присоединения ГДР к ФРГ данные партии теряли, конечно, свою самостоятельность, но в

остальном могли влиться в уже существующие западногерманские политические формации. (Нечто подобное действительно произошло в период, предшествовавший присоединению ГДР к ФРГ 3 октября 1990 года.) Оставалась Национально-демократическая партия Германии (НДПГ), у которой не было в ФРГ «братя-близнеца» и которая в силу этого обстоятельства должна была быть особенно заинтересована в сохранении существования ГДР. Именно поэтому я попытался убедить руководство национал-демократов в необходимости переосмыслить отношение к национальной проблеме немцев. 24 мая 1988 года, во время возложения венков к мемориалу советских воинов-освободителей в Трентов-парке по случаю 40-летия с момента основания НДПГ, мне удалось найти возможность для краткого разговора с глазу на глаз на эту тему с председателем партии Генрихом Хоманом. Хоман сделал вид, что не понял, о чем я говорю.

Сейчас я думаю, что он не только отлично понял смысл моих слов, но и доложил о них «куда следует». У меня сложилось твердое впечатление, что после этого разговора тогдашнее руководство СЕПГ окончательно внесло мое имя в список «ненадежных лиц». Оно с самого начала сомневалось в моей лояльности по отношению к восточногерманскому руководству, поскольку я долго работал в ФРГ и мое назначение в Берлин состоялось в период перестройки, в которой верхушка СЕПГ усматривала заговор против себя. В ноябре 1987 года, когда на традиционном приеме в посольстве по случаю годовщины Октябрьской революции я был впервые представлен членам политбюро ЦК СЕПГ и сопровождавшим их женам, министр народного образования Маргот Хонеккер, веселая супруга руководителя ГДР, неожиданно спросила меня: «Вы друг ГДР?». Она не стала скрывать скептического отношения к моему утвердительному ответу — для нее, как и для других членов «старческой команды», быть «другом ГДР» значило вслепую поддерживать Хонеккера и его соратников. Этого я действительно не делал, хотя я никогда ни словом, ни тем более делом не выступал против Хонеккера и его стиля правления.

Было похоже, что руководство ГДР опасается, что именно НДПГ — партия, включившая в свое название понятие «нация», — может доставить наибольшие неприятности властям в плане нового осмысления взаимоотношений с ФРГ. Известная логика в этом была. Германские государства возникли на фоне конфронтации обеих расколовших мир систем и поэтому имели с самого начала характер взаимонисколочающих государственных образований. Разрядка международной напряженности и, как следствие, нормализация отношений ГДР и ФРГ отодвинули прежнюю антагонистическую основу их сотрудничества на задний план. Однако о создании другой основы, заменяющей идеологическую, «классовую» направленность, на соревновательную, но совместимую с сосуществованием, руководители ГДР не позаботились, пока еще было время. Тем временем нерешенный национальный вопрос немцев нигуда не делся. Если откровенно сказать о «германской общности» Австрия смогла дать своим гражданам самостоятельное наименование «австрийцы», то население и ГДР, и ФРГ называло себя по-прежнему «немец». Сохранившиеся подразделения германских отношений макималистское отращивание правдомерности существования друг друга устраивало только ФРГ, которая не отказалась от планов присоединения ГДР и лишь отложила их на сравнительно дальнюю перспективу. Однако, как показала последующая практика, актуализировать эти планы можно было в любой удобный момент.

Такая ситуация требовала не замалчивания национально-го вопроса, а поиска решения, которое гарантировало бы сохранение государственных интересов ГДР, прежде всего обеспечение ее существования. Разумеется, решение этой задачи было непростым делом, требовавшим пересмотра многих догм господствовавшего в верхах ГДР заскорузлого «кнассового» мышления. Нестандартное реагировать на требования времени руководство СЕПГ наотрез отказалось заниматься национальным вопросом, спрятавшись за притянутую за волосы формулу существования «капиталистической» и «социалистической» немецких наций, каждая из которых располагает-де своим «на-

циональным» государством. Однако формирование нации — дело длительное и политикам неподвластное, хотя, как показали двадцать лет существования объединенной Германии, определенные элементы «восточногогерманской нации» уже были налицо.

Инертность хонеккеровского руководства ГДР усугублялась бездействием перестроенного руководства СССР. Отсутствие продуманной, четко определенной, взвешенной линии советской внешней политики в германских делах лишило нас шансов выйти из надвигающегося кризиса с наименьшими потерями. Безынициативность германской политики СССР особенно остро воспринималась в Берлинском посольстве.

2 февраля 1989 года состоялось «референтское совещание», которое было посвящено теме: «Отношения ГДР с ФРГ и Западным Берлином и концепция объединительного дома». Выступая на нем, один из ведущих германистов, руководитель отдела внешней политики посольства советник В.Н. Пивнин, справедливо констатировал: «Нет у нас германской и берлинской политики. Смыслом такой политики должно являться сохранение самостоятельности ГДР и ФРГ. Между тем количество проблем в этой сфере нарастает. Если взять наш лозунг вывода войск с территории чужих государств, то встает вопрос — как быть с ответственностью четырех держав, от которой мы не можем отказаться? То же самое касается лозунга заключения мирного договора с Германией. В сфере внутривнутриполитического развития ГДР обращает на себя внимание усиление общегерманских настроений. Как повлияла бы в таких условиях на дальнейшую судьбу республики перестройка [в советском духе]? Весьма вероятно, что результатом стала бы ревизионизация национальных моментов и девальвация социалистических ценностей. При этом остается императив — исключить ближайшего любого рода между ГДР и ФРГ в рамках каких-либо военных союзов. На практике возможны лишь сепаратные мирные договоры с каждым из германских государств при запрещении им обнимать отношения между собой военный союз. Если говорить серьезно, то прообразом “общевосточноевропейского дома” являются Европейские сообщества. Но готовы ли мы в них вступать? И готовы ли нас туда принять? Не пора ли снять лозунг, реализация

которого немислима? По Западному Берлину главной дилеммой для нас является необходимость предотвратить возникновение конфликта вокруг него. Но гарантия непринадлежности Западного Берлина к ФРГ есть, а как обстоит дело с гарантиями его непринадлежности к ГДР? В этой связи надо продумать вопрос о том, выступаем ли мы все еще против присутствия западных держав в Западном Берлине или уже в какой-то мере заинтересованы в таком присутствии? Скорее всего — второе, хотя нужно продолжать подталкивать западных к отказу от концепции “Большого Берлина”. На случай отмены оккупационного режима в Западном Берлине следует вести дело к тому, чтобы опугать его семью международных соглашений, которые сохранились бы и после такой отмены. Западный Берлин должен так сильно оппичаться и от ФРГ, и от ГДР, чтобы ни у кого не возникло и мысли о возможности его интеграции либо туда, либо сюда. Надо бы использовать “берлинскую инициативу” Запада в наших целях — дополнить Четырехстороннее соглашение вышеизложенными положениями).

24 мая 1989 года на совещании дипломатического состава посольства выступил старший научный сотрудник Института мировой социалистической системы АН СССР профессор В.И. Дашинцев, бывший в столице ГДР проездом в связи с чтением лекции в Западном Берлине. К тому времени он пользовался в обеих германских государствах репутацией пропагандиста воссоединения Германии. В ФРГ утверждали, что у Дашинцева есть покровители «на самом верху» в СССР. В апреле 1989 года он опубликовал в правоохранительной газете «Райнше пост» (ФРГ) статьи «Тактике обоях бандитов» (о советско-германском пакте о ненападении 1939 года) и «Сталин хотел войны». Я пригласил его в посольство, чтобы наши дипломаты могли напрямую ознакомиться с использованием им аргументацией. Основное положение выступления Дашинцева (тема: «Общеввропейский дом и ФРГ») гласило: «Плоха существующая два немецких государства в нынешнем виде, будут продолжаться американское военное присутствие в Западной Европе, НАТО, конфликты в Восточной Европе. Сталус-кво не соответствует нашим интересам и не может быть сохранен. Германский вопрос должен быть закрыт». Тезисы профессора не

встретили понимания у присутствовавших. Когда он закончил свое выступление, возникло враждебное молчание. Стремись сгладить неприятную ситуацию, я сказал: «Вряд ли стоит воскрешать термин “германский вопрос”; правильнее было бы говорить о германских делах. Если речь идет о продолжении раскола, то надо иметь в виду прежде всего сближение обеих частей Европы. Преодоление сталус-кво не может означать “исчезновения” ГДР — это цена безответственная и поэтому неприемлемая. Возможно лишь изменение системы обеспечения безопасности в Европе. Возрождение реваншизма нам не нужно. “Европейский дом” не может строиться на ликвидации одного из членов европейской семьи. В любом случае подпольные идеи не должны исходить от нас».

Если из Москвы не поступали «правильные» с нашей точки зрения сигналы, то «неправильных» было хоть отбавляй. Например, весной 1989 года по решению руководства СССР началось одностороннее сокращение советских войск в Европе. К середине августа из социалистических стран вывелись три танковые дивизии, в том числе две из ГДР. Из восточнотерманской республики на территорию СССР перемещались около 2 700 танков, 24 установки тактических ракет, значительное количество других вооружений, в том числе ядерных. 17 мая состоялся митинг на вокзале Ютербога по случаю отправления советского воинского эшелона с боевой техникой и личным составом. 18 мая прошел аналогичный митинг на вокзале Пренштау. Эти события самым широким образом освещались в СМИ германских государств и за их пределами: в Ютербоге и Пренштау побывали сотни иностранных корреспондентов. Мировое общественное мнение восприняло эти события как сигнал готовности СССР по своей инициативе отказаться от размещения войск вне советских границ, не дожидаясь каких-либо встречных шагов Запада. Задним числом можно констатировать, что односторонний вывод советских войск из ГДР начался, по существу, уже в 1989 году¹.

¹ См. Советские войска в Германии. Памятный альбом. М., 1994, с. 80—81.